

Ейдос

Альманах теорії та історії історичної науки

Випуск 8

Київ
2014/2015

EJDOS

Historiographic Almanac

Issue 8

Kyiv
2014/2015

Рекомендовано до друку
Вченою радою Інституту історії України
НАН України

Опубліковані статті відбивають точку зору авторів, яка не завжди
збігається з думкою Редакційної Колегії.

Відповідальність за точність цитувань несе Автор

Адреса редакції: 01001, м. Київ, вул. М.Грушевського, 4, к.504

E-mail:

institute@history.org.ua

Fax: (044) 279 63 62

**Свідоцтво про державну реєстрацію
друкованого засобу масової інформації
КВ № 13778-2752 Р
від 28.02.2008**

**Вищою Атестаційною Комісією України альманах внесено до
переліку наукових фахових видань України з історичних наук
(Постанова президії ВАК України від 16 грудня 2009 р. № 1-05/6)**

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

Редакційна Колегія:

Валерій Смолій, д.і.н., академік НАН України – головний редактор

Ірина Колесник, д.і.н. – відповідальний редактор

Геннадій Боряк, д.і.н., член-кореспондент НАН України

Ярослава Верменич, д.і.н.

Станіслав Кульчицький, д.і.н.

Олександр Реєнт, д.і.н., член-кореспондент НАН України

Дмитро Вирський, д.і.н. – відповідальний секретар

Володимир Головка, к.і.н.

Редакційна Рада:

Павло Магочій, Торонтський університет

Войцех Вжосек, Познанський університет

Лоріна Рєпіна, Інститут всесвітньої історії Російської академії наук

Галіна Зверєва, Російський державний гуманітарний університет

Володимир Кравченко, Канадський інститут українських студій

Леонід Зашкільняк, Львівський національний університет

Сергій Стельмах, Київський національний університет

Сергій Світленко, Дніпропетровський національний університет

Тетяна Попова, Одеський національний університет

Ева Доманська, Познанський університет

З м і с т

Передмова. «Нова біографічна історія» як метод (*Колесник Ірина*). . . . 7

Стратегії біографічного дослідження

Попова Татьяна (<i>Одеса</i>) Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика	15
Калакура Ярослав (<i>Київ</i>) Образ українського радянського історика в контексті інтроспекції	41
Оноприенко Валентин (<i>Київ</i>) Апории биографического письма и научная биография	55
Лубский Анатолий (<i>Ростов-на-Дону</i>) Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования)	67
Андрєєв Віталій (<i>Херсон</i>) Патографія як жанр біографічного дослідження: журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (1925-1930)»	85
Буряк Лариса (<i>Київ</i>) Психологізація як стратегія біографічного дослідження в українській історіографії першої третини ХХ ст.	95

Тілесність у просторі історіографії

Вашенко Володимир (<i>Дніпропетровськ</i>) Тіла історика: body politic у текстах М.Грушевського	115
Масненко Віталій (<i>Черкаси</i>) «Різні обличчя» одного мислителя: візуалізація тілесності в самопрезентації В'ячеслава Липинського	129
Киридон Алла (<i>Київ</i>) «Тіло» в просторі пам'яті	155

Тілесність і культура

Виноградов Геннадій (<i>Дніпропетровськ</i>) Парадокси феномену тілесності в інтелектуальному моделюванні середньовічної християнської цивілізації	167
Щукин Василий (<i>Краків</i>) Город и поэтосфера природы	177
Аксенов Владислав (<i>Москва</i>) Трагический нарратив: к вопросу об особенностях самоубийств учащихся в период Первой мировой войны	191
Шелудякова Наталя (<i>Київ</i>) Ідея смерті та безсмертя в контексті колекціонування М.Грушевського	205
Шандра Валентина (<i>Київ</i>) Фізичні покарання чиновників в Російській імперії (за законами кінця ХVІІІ – початку ХІХ ст.)	215

Типології біографій та кар'єр

Кульчицький Станіслав (<i>Київ</i>) Компаративні аспекти політичної біографістики	225
Будзар Марина (<i>Київ</i>) Ідентичність як механізм конструювання соціальних практик особистості: до створення «інтелектуальної біографії» Григорія Галагана	233

Світленко Сергій (<i>Дніпропетровськ</i>) Борис Грінченко: структура інтелектуальної біографії	247
Богдашина Елена (<i>Харків</i>) Роль семейных традиций в жизненном сценарии М. Ковалевского	269
Суздаль Марина (<i>Київ</i>) Феномен духовної біографії М.Цертелева	279
Панченко Вікторія (<i>Житомир</i>) Професія як вимір біографії (на прикладі мирового судді Житомирського округу А.Токаржевського-Карашевича).	289

Інструментарій біографічного дослідження

Савчук Варфоломій, Чаплиць Ольга (<i>Дніпропетровськ</i>) Метод інтерв'ю в історико-біографічному дослідженні зі звуженою джерельною базою	301
Сальнікова Алла (<i>Казань</i>) «Вспомнить все», или материалы анкетных обследований как коммерциальный нарратив	313

Історіографічні знахідки

Барабаш Наталя (<i>Кривий Ріг</i>) «Автобіографічні записки» М. Маркевича – джерело з історії родини (Записки Николая Маркевича [1845]. Первые годы жизни)	329
---	-----

Рев'ю

Вирський Дмитро (<i>Київ</i>) Історія – сьогодні: теоретичні проблеми знання про минуле (<i>Historia – dziś. Teoretyczne problemy wiedzy o przeszłości / redakcja Ewa Domańska, Rafał Stobiecki, Tomasz Wiślicz. – Kraków: Universitas, 2014. – 413 s.</i>)	349
Ясь Олексій (<i>Київ</i>) Якою має бути сучасна українська історіографія? (<i>Колесник Ірина. Українська історіографія: концептуальна історія / За ред. В. Смоля. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2013. – 566 с.</i>)	359
Острияко Андрій (<i>Чернігів</i>) Позитивізм – методологія оптимістів (<i>Богдашина О.М. Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. ХІХ – 20-ті рр. ХХ ст.): [монографія]. – 2-е вид.; доп. та переробл. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – 560 с.</i>)	367

Відомості про авторів	373
Анотації	375
Contents.	393

Владислав Аксенов
Москва

Трагический нарратив: к вопросу об особенностях самоубийств учащихся в период Первой мировой войны

Изучение феномена самоубийства стало одной из центральных тем практически с самого зарождения социальной психологии. На рубеже XIX – XX вв. появились исследования Э.Морселли, Т.Масарика и, наконец, фундаментальный труд Э.Дюркгейма, легший в основу суицидологических изысканий П.Сорокина¹. Вместе с тем, попытки статистических обобщений нередко разбивались о политическую ангажированность исследователей, стремившихся с помощью цифр доказать гибельность того или иного правительственного курса². Особенно громко разговоры о самоубийствах, якобы принявших характер массовой эпидемии, звучали на страницах периодических изданий в 1870 – 80-е гг., что связывалось с неблагоприятными последствиями «великих реформ»³. С началом Русско-японской войны и, особенно, революции 1905 г. тема временно потеряла актуальность, однако с 1906 г. вновь стала популярной. Многие представители либеральной общественности принялись использовать суицидальную статистику для доказательства несоответствия сословно-самодержавных пережитков новым вызовам времени. Главной проблемой подобных исследований было то, что данные брались из периодических изданий, являлись нерепрезентативными⁴.

---

¹ См: *Morselli H. Suicide: An Essay on Comparative Moral Statistics. NY. 1975; Masaryk T.G. Suicide and the Meaning of Civilization. Chicago, 1970; Durkheim E. Suicide. L., 1992; Сорокин П.А. Самоубийство как социальное явление. Рига. 1913.*

² См. критику статистики самоубийств начала XX в в России: *Мякинен И.Х. Как был написан очерк Сорокина о самоубийстве // Социологические исследования. 2003. №11. С. 123-131.*

³ См: *Paperno Irina. Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia. Cornell University Press, 1997.*

⁴ На основе данных периодики были написаны работы: *Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир №3.1910; Григорьев Н. Самоубийства и покушения на самоубийства в Петербурге в 1911 г. // Русский врач. №6. 1913.*

Тем не менее, если разговоры о новой «эпидемии самоубийств» в 1911 – 1913 гг. и не соответствовали фактической ситуации, они очень тонко фиксировали ментальное состояние российского социума, зараженного то ли фобией, то ли флиией к самоубийствам. Кроме того, новыми героями хроник все чаще становилась молодежь. В феврале 1912 г. петербургская, а затем и московская пресса начала публикацию серии сенсационных сообщений о действующих в столицах клубах Лиги самоубийц⁵. Хотя информация уж больно походила на известные циклы рассказов Р.Л.Стивенсона «Клуб самоубийц» и «Алмаз Раджи», сведениями заинтересовалась полиция, которая провела собственное расследование, так, впрочем, ничем и не закончившееся⁶. Показательно также и то, что по дознаниям «свидетелей» Лига была образована в конце 1900 г., т.е. того года, когда издательство П.П.Сойкина выпустило шеститомное полное собрание сочинений автора приключений принца Флоризеля.

То, что не удавалось четко зафиксировать в социальной статистике, довольно ясно прослеживалось в российской семиосфере, именно в ней самоубийство или покушение на оное становилось чуть ли не актом самоидентификации российского студенчества. На семиотическом пространстве лежала декаденско-символическая печать эпохи модерна, поэтому тема смерти, в том числе и добровольного ухода из жизни, объединяла писателей совершенно разных направлений: М.Арцыбашева, Ф.Сологуба, Л.Андреева, В.Иванова, А.Куприна и др. Двум первым было суждено стать главными «певцами смерти», именно их общественность заподозрила в организации Лиги самоубийств, а написание романа Арцыбашева «У последней черты», посвященного самоубийству семерых человек, хронологически совпавшее с общественными дискуссиями вокруг «эпидемии самоубийств» в 1910-1912 гг., только укоренило общественное мнение в идее причастности литературы к данной социальной проблеме.

Очевидно, что связь семиотического и бытийного пространства многовариантна, характеризуется взаимовлиянием. Семиосфера реагировала на вызовы времени и революционное насилие, террор, охватившие российское общество и отраженные в литературе, театре, кинематографе, изобразительном искусстве, формировали новое мировоззрение, в котором уход из жизни мыслился как акт свободного волеизъявления. Как отметила М.Могильнер, «самоубийство превращалось в альтернативный выход для эстетствующих интеллектуалов из тупика безвременья»⁷. Однако значительная часть учащихся средних учебных заведений к этой субкультуре прямого отношения не имела, но была связана с ней опосредованно, через общие психофизиологические характеристики, предопределявшие романтическую

⁵ *Биржевые Ведомости*. Веч. вып. 1912. 6 февраля; *Вечернее время*. 1912. 10 февраля; *Голос Москвы*. 1912. 16 февраля; *Земщина*. 1912. 16 февраля.

⁶ *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека». М., 1999. С.194 – 196.

⁷ Там же. С.196-197.

увлеченность, питавшуюся широко тиражируемыми беллетристической новомодными идеями декаданса.

Любопытно, что при расследовании причин самоубийств учащихся в анкетах часто указывалось, увлекался погибший беллетристической или нет. А учитывая, что кинематограф тиражировал идеи той же самой упаднической литературы, некоторые губернаторы издавали распоряжения, запрещающие посещение кинематографа детьми ввиду его «разлагающего влияния»⁸. И хотя проследить прямую причинно-следственную связь между кинематографическим суицидом и самоубийством отдельного гимназиста довольно сложно, случались самоубийства детей, потративших причитавшиеся для оплаты квартиры деньги на кино и мороженое⁹.

Отдельные исследователи в самоубийствах учащихся видели недостатки педагогической системы. Вместе с тем, хотя самоубийства детей в возрасте до 20 лет и составляли до 42% от всех случаев, из них на самоубийства учащихся приходилось не более 10%¹⁰, что заставляет усматривать преобладание психолого-возрастных особенностей над социальным фактором. При этом самоубийства гимназистов, имевшие ряд общих признаков, вполне можно выделить в отдельную категорию.

Д.Жбанков, Н.Григорьев и другие, изучая самоубийства, группировали их по причинам совершения суицида. Однако в этом случае исследователь становился заложником всей системы расследования, участниками которой являлись члены педагогического совета школы, полиция, семья, врачи и духовенство. Учитывая, что церковь не прощала грех самоубийства и запрещала совершать православный обряд отпевания, но при этом делала исключения для тех, кто покончил с собой в состоянии психического расстройства, в делах расследования причин самоубийства нередко присутствовал негласный сговор полиции, педагогов, врачей и членов семьи покойного, стремившихся представить самоубийство временным умопомешательством.

В отличие от «сумасшествия» как причины суицида более оправданным фактором являлось переутомление от учебного процесса и связанный с ним «сбой» в обучении учащегося, выраженный в получении низкой текущей отметки, провале экзамена или недопущении до выпускных испытаний. Получение гимназического аттестата давало право поступления в высшее учебное заведение и открывало возможности для карьерного роста, позволяло преодолеть некоторые сословные ограничения, поэтому препятствия на данном пути мыслились молодежью как настоящая катастрофа. Однако при детальном изучении каждого дела становится ясно, что за подобным «сбоем» в процессе обучения стояли куда более болезненные для детской психики проблемы: насилие в семье, отсутствие

---

⁸ *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.797. Оп.86. Д.221. Л.1-2.*

⁹ *РГИА. Ф.733. Оп.199. Д.328. Л.156.*

¹⁰ *Статистик. Самоубийство как социальное явление. СПб., 1913. С. 142–143.*

внимания со стороны родителей, обязанность выполнять непосильную работу по содержанию неполной семьи и т.д. В этом случае неудача в школе являлась не более чем катализатором принятия решения свести счеты с жизнью.

Основными сферам повседневного существования учащихся были «дом» и «школа», в меньшей степени «улица», с ее «взрослыми» соблазнами, самостоятельностью. Сфера «школы» строго организована, структурирована, предлагала учащимся очевидную последовательность действий в процессе их социализации. Вместе с тем, широкий круг общения, включавший не только сверстников, но и взрослых учителей, и имевшие место со стороны последних карательные санкции, делали эту сферу повседневности «чужой», в отличие от «дома», в котором можно было скрыться от внешних проблем в кругу близких членов семьи. Однако когда «дом» терял свои охранительные функции в силу семейных неурядиц, а «школа» более не предлагала ясной последовательности действий в случае угрозы исключения или даже оставления на второй год, ребенок искал альтернативные выходы, стремился к упорядочиванию-упрощению своего пространства повседневности, что нередко приводило к актам самоубийства.

В каждом отдельно взятом случае мы можем выделить несколько интенциональных пластов, которые, обретая общий вектор и вступая во взаимодействие, приводили субъекта к суициду: здесь и природная впечатлительность, эмоциональность ребенка (то, что нередко относили к психической неуравновешенности), семейные неурядицы и бытовые проблемы, не позволявшие «дому» стать той сферой повседневности, в которой можно скрыться от внешних проблем (ломка структур повседневности как фактор самоубийств учащихся), препятствия в системах социализации индивидов (угроза исключения из гимназии), психолого-возрастные особенности учащихся, заставлявшие, в частности, болезненно переживать неудачи на романтической почве и др. В этой связи Первая мировая война не стала в пространстве детской повседневности главным фактором суицида, хотя в целом способствовала повышению процента самоубийств в период мобилизации и первых боевых действий, приводя даже к случаям коллективного сведения счетов с жизнью подростков под воздействием тяжелых сцен проводов родственниками запасных на фронт¹¹. Скорее она подготовила ряд испытаний, которые при прочих условиях могли оказаться поводом к добровольному уходу из жизни.

В первую очередь в группу риска вошли дети беженцев и переселенцев. Изменившееся пространство повседневности, прибавившиеся семейные заботы старших братьев и сестер, разорванные связи с прежними друзьями и, как правило, сложный процесс адаптации в новом гимназическом коллективе неблагоприятно воздействовали на детскую психику¹². Если же беженцы

---

¹¹ РГИА. Ф.796. Оп.201. Д.82. Л.7-7(об).

¹² РГИА. Ф.733. Оп.199. Д.328. Л.106-106 (об).

оказывались нерусскими по национальности, то ксенофобия окружающих еще более подавляла несовершеннолетних. Уход отца на фронт и перераспределение семейных обязанностей характеризовали другую группу риска. Не менее разрушительно, чем ксенофобия, на психику учащихся воздействовала патриотическая истерия первых месяцев войны, приведшая, в частности, к распространенным случаям массового бегства детей на фронт. Так, 8 января 1915 г. покончил с собой ученик VI класса Луганской гимназии Сергей Сахновский, 19 лет. По словам отца, трагедия произошла из-за того, что он не желал отпускать сына добровольцем в армию. При детальном расследовании выяснились и иные обстоятельства, например то, что Сергей рос без матери, в многодетной семье (6 несовершеннолетних детей), часто конфликтовал с отцом и в последнее время с ним не разговаривал, кроме того, плохо учился и имел замечания по поведению в кондуите¹³.

Нередко в годы войны на детских трагедиях пытались разжечь национальную ненависть. Трансформация псевдопатриотизма в ксенофобию проявилась в получившем общественный резонанс деле ученицы VII класса Мелитопольской женской гимназии Веры Ефимовой, совершившей самоубийство 3 марта 1915 г., в тот день, когда ее за списывание отчитала учительница немецкого языка¹⁴. Начальница мелитопольской женской гимназии в показаниях предположила, что истинные причины самоубийства семейные, так как известными стали ссоры отца с матерью, а также угрозы младшего брата покончить жизнь самоубийством, если эти ссоры не прекратятся. Однако местная, а затем и столичная пресса усмотрела в деле совсем иные мотивы: издевательство учительницы-немки Е.Фидлер над русской девочкой. Петроградское «Новое время» привело искаженный диалог учителя и ученицы и завершило его выводом: «Г-же Фидлер следовало бы действовать в рядах генерала Гинденбурга, а не занимать место в русской школе»¹⁵. В итоге травли, продолжавшейся несколько месяцев, учительница была уволена, освобожден от должности председатель педагогического совета гимназии, начальнице гимназии был объявлен строгий выговор.

28 октября 1915 г. в г. Бирюч Харьковского учебного округа покончила жизнь самоубийством ученица VII класса Бирюченской женской гимназии Мария Веретенникова. Узнав об этом, попечитель округа направил для выяснения всех обстоятельств дела окружного инспектора, действительного статского советника В.В.Шихова. Собрав материал, инспектор пришел к выводу, что отдельными, сухими констатациями фактов нельзя реконструировать произошедшую трагедию, которая, по его мнению, вытекала из особенностей повседневности провинциального городка. Шихов отметил в своем отчете: «Чтобы выяснить, насколько возможно, истинную причину самоубийства покойной, нужно раскрыть то душевное состояние, в

¹³ Там же. Л.53-55.

¹⁴ Там же. Л.293.

¹⁵ Там же. Л.297.

котором находилась Веретенникова в последние часы своей жизни, а для этого необходимо разобраться с обстановкой жизни Веретенниковой, ее воспитанием, характером и душевными свойствами и повлиявшими на нее событиями последних дней ее жизни»¹⁶. В результате инспектор написал рассказ, не лишенный известной художественности:

«Бирюч – один из маленьких захолустных городков Воронежской губернии. Хотя он и расположен близ железной дороги, всего 14 верст в сторону, но этот небольшой проселок по мягкому суглинку, среди волнистой степи, в осеннее и весеннее время становится почти непроходимым. Сам городок, расположенный на скате холмов и в ложбине, около полузаросшей тростником речки Сосенки, похож более на большое разбросанное село, с громадною, неровною, грязною бесконечной площадью около старинной церкви. Дома строились, вероятно, без всякого плана. Всякий соблюдал свои удобства. На не мощеных улицах грязь подходит к самим зданиям, так что пешеход должен прямо без разбора идти в липкую жидковатую грязь. Извозчиков не существует. Общественная жизнь развита слабо, все живут замкнуто. Для молодежи женского пола была открыта женская гимназия, в которой обучалось уже около 300 учениц, а для мужского населения образование ограничивалось высшим начальным училищем, преобразованным из уездного училища, учрежденного еще в 1848 г и помещающегося в старинном мрачном здании.

Таким образом, женское молодое поколение по своему образованию и своим запросам от жизни было несколько выше мужского, которое по большей части не оканчивало даже и высшего начального училища. В старшем классе высшего начального училища я застал человек 18-20 учащихяся.

В этом-то захолустном городке родилась и росла в богатой крестьянской семье единственная дочь Мария Веретенникова. Семья была невелика – сын да дочь. Девочка жила в полном довольстве, среди природы, на чистом воздухе. Отец хотя и любил свою дочь, но был занят своим делом вне дома и мало жил в семье, мать давала ребенку полную свободу, как это вообще делается в крестьянских семьях. Девочка с малолетства жила своей особой жизнью. Поступив в гимназию, Мария оказалась весьма способной. Ученье ей давалось легко. Она пользовалась расположением и начальства, и подруг. Вот, что о ней говорит классная надзирательница, под наблюдением которой Веретенникова находилась от 1-го до 7-го класса включительно: «По характеру она всегда была очень живым и веселым ребенком, никогда я не видала, чтобы она плакала; училась хорошо; вела себя отлично. В своих действиях она отличалась решительностью и смелостью, среди подруг она была добрым отзывчивым товарищем, психической неуравновешенности никогда не проявляла».

При таких условиях в Марии Веретенниковой выработался самостоятельный, независимый характер. Родители снабдили ее здоровьем, сильным организмом, жизнь среди природы на свободе дала возможность развиваться гармонически физическим силам так, что Мария по физическому развитию казалась старше своего возраста.

---

¹⁶ Там же. Л.7.

Несмотря на первобытную простоту и некоторую грубость нравов окружающей обстановки, в девушке появился более утонченный вкус и стремление к чему-то высшему, что и сблизило ее с ее другом детства Яценко, которого художественные наклонности проявились определенно и заставили бросить серенькую жизнь в Бирюче и поступить в Харьковскую художественную школу. Откуда явилась эта черта – было ли это обычное неудовлетворение умненькой живой девушки окружающей средой или увлечение художественной литературой, с которой она познакомилась в гимназии, но несомненно, что Веретенникова чувствовала потребность заглянуть за этот горизонт, который отделял Бирюч от остального мира. Об этом-то, вероятно, толковали они с Яценком не раз в ясный день, сидя на берегу реки Сосенки и любуясь капризно раскинувшимся по скату холма городком Бирючем, своеобразными изгибами речки Сосенки, далекой, до краев горизонта распространившейся степью и поверяли друг другу свои будущие планы.

Окружающее было уже слишком известно и однообразно, ум требовал простора, живое воображение рисовало завлекательные образы из другой лучшей жизни. Настала и ранняя девичья пора с ее неопределенными стремлениями, исканием идеала и сердцем и умом. В это-то время случилось событие, которое имело решающее влияние на судьбу этой пышно распустившейся и восприимчивой девушки, жившей в самой себе и решавшей все по-своему, без совета и руководства. Нежданно-негаданно то, к чему стремилась Веретенникова, явилось само собою, как бы по мановению волшебного жезла. Явился целый отряд военнопленных со своими офицерами во главе.

Офицер из Западной Европы. Это представитель той нации, которая завладев всеми науками, искусствами и воспользовавшись их силами, задумала покорить себе весь мир. Это люди высшей расы, их ездят смотреть далеко за моря, а они сами явились в Бирючь.

Воистину было что-то сказочное! Нужно было хоть посмотреть на них издали. Оказалось, что некоторые из них даже говорят, хотя и ломаным, но русским языком – понять их можно... Мало того, эти европейцы, эта высшая раса, не оставили без внимания и своих посетительниц – глупеньких провинциалок, с которыми устроили даже сношения довольно первобытным способом.

Какое действие произвело такое сближение на Веретенникову, какого рода идеал она нашла и в какую трагедию вылилась наивная первая любовь молодой девушки – все это может выясниться из подлинных документов, собственноручных писем одного австрийского офицера, назвавшего себя Ludf из перехваченного письма самой Веретенниковой.

Подробным разбором этого важного реального источника, который остался в наших руках, мы и займемся.

Вся переписка относится к середине романа, начавшегося гораздо ранее и при таких обстоятельствах, при которых возможны были личные свидания и разговоры, но какая-то неизвестная причина прекратила свободу сношений, так что пришлось перейти к переписке. Что это за причина – нет указаний. Известно только, что Веретенникова переехала в другую часть города, значительно отдаленную от дома, в котором помещались пленные офицеры.

Первое письмо дает очень немного. В нем идет деловой разговор о более удобном способе передачи писем, чтобы лицу передающему не пришлось безрезультатно приходить на условленное место. При этом автор письма сообщает, что несколько товарищей уехали в С. И выражает сожаление, что он и сам не уехал, но в то же время он утешает себя мыслью, что, может быть, и ему удастся сделать то же; но, впрочем, философски замечает он “будущее неизвестно”. В заключении L. просит Марианну, как он называет Веретенникову, сообщить ему ее полную фамилию. Посылается поцелуй.

Второе письмо имеет весьма важное значение для дела, давая нам возможность представить себе характер отношений между корреспондирующими лицами. Из письма видно, что Веретенникова узнала о каких-то амурных отношениях своего поклонника с девицей И. Это обстоятельство видимо очень задело за живое самолюбивую и увлекающуюся девушку, она почувствовала, что слишком доверчиво и далеко зашла в своем сближении с офицером и, видимо, в резкой форме выразившись о двойственности его чувств, захотела изменить свои отношения, подвергнув своего обожателя некоторого рода испытанию, а именно предложила ему предварительную дружбу вместо любви. При этом не оставила без упреков некоторые порывы молодого офицера во время прежних свиданий. Письмо, очевидно, было очень горячо. Молодая девушка поставив прямо вопрос, “а что у тебя было с И?” и не получив еще объяснений, при одном только допущении возможности каких-то сомнительных отношений с другой, уже забила тревогу.

Попавшийся в своих проделках L и не имевший возможности отречься, нисколько не теряется и пишет довольно пространное послание. Вместо оправдания он сам начинает обвинять. Он начинает с того, что принимает сделанное ему предложение, но не видит его цели. “Зачем же дружба должна быть только предварительной? Когда я, – говорит он, – вероятно, не буду иметь возможности глядеть в милые глубокие очи-звезды, поэтому тебе нечего бояться, что я огорчу тебя своими невольными порывами. При том же главная основа дружбы доверие, а ты не веришь в искренность моей любви”. Далее, он оскорбляется словами ее письма: “Там не песнь любви святой, где кровь бурлит и жаждет наслажденья”. Значит, его считают человеком чувственным, неспособным к возвышенному, но скоро будет ясно, как несправедливы эти обвинения. Его-ли упрекать в разрушении идеалов других, когда он сам увлекался ими до тех пор... Огорченный до глубины души автор не может писать – он ставит многоточие. Но ему вспоминается новая обида – его спрашивают, что было у тебя с И? После таких нареканий, после такого оскорбления, он не удивляется, что и тут на самый простой невинный случай смотрят, как на низость. “Дело было очень просто, – говорит он, – я видел, что И мной очень интересуется и так как она настойчиво просила, чтобы я ей написал письмо, я и послал ей письмо на память. Ну, веришь?”

После такой подготовки, после того, как бедная девушка была разбита на всех пунктах, считала себя виновной и готова была загладить свою вину – это наивно-глупое оправдание, сказанное с такой уверенностью и апломбом и потом еще сопровождаемое вопросом “Ну, веришь?” – должно было произвести должное действие. Бедной жертве оставалось только упрекнуть себя, как это она не могла понять такой простой вещи.

Чтобы долго не останавливаться и решительно покончить с этим делом автор воодушевляется и обращает свои мысли в другую сторону – с пафосом

изливает он свои чувства и сетования на дружбу: “О дружба – говорит он – ты страшная противница нашему счастью!.. Как трудно мне будет свыкаться с тобой!.. Как тяжело будет моему сердцу расставаться со старыми, милыми словами. Сердечно воссоздаю в душе твой поцелуй”.

Плохое знание русского языка было автору не в ущерб, а иногда даже на пользу, смотря по тому, кто читал письмо. Сжатые фразы неправильны, но иногда меткие самодельные слова давали широкий простор читателю толковать текст по своему желанию. Нужно признаться, что письмо написано артистически. Автор очень хорошо знал настроение и психологию влюбленной девушки и искусно сознательно играл на струнах ее души. Не трудно себе представить, что письмо, очевидно, произвело свое действие.

Успокоенная и счастливая Марианна, по-видимому, уже отказывается от своих неудачных проектов относительно перемены любви на дружбу. Она не удовлетворяется предложенной ей еженедельной корреспонденцией, – она претендует уже на два письма в неделю.

G. L чувствует себя уже снова по-домашнему. Он на все благодушно согласен. “Если тебе мало одного письма, получишь два, – снисходительно пишет он, – но ты мне должна давать темы”.

17 октября L узнает, что Марианна простудилась, получила лихорадку и кашляет. Он получил уже и тему для письма: “Пиши все, что у тебя на сердце”. Тема благодарная и в его жанре. Он уже не ропщет на дружбу, а хочет так порадовать больную, что она должна забыть про свое нездоровье. Пишет он ей немного, но сильно. “Описать все, что у меня на сердце – это так много, так много, что не напишешь, но все это сливается в одно могучее всепоглощающее желание быть возле тебя, пишет вдохновенно L, охладить моей рукой твой пылающий, лихорадочный лоб, целовать твой ротик так долго и крепко и до тех пор, пока ты не взглянешь на меня твоими очами-звездами так радостно, так любовно, как это бывало прежде”.

Проговорив свою триаду и заставив лихорадочно настроенную девушку пережить воспоминание тех моментов, в которые он умел будить в ней женщину, искусный L как бы просыпается от своего увлечения, как бы чувствует себя виновным, что он забылся. “Но довольно о любви, дружба запрещает мне наслаждаться дорогими воспоминаниями”, – саркастически пишет он.

На другой день, т.е. 18 октября 1915 г к письму сделана приписка: “Меня очень обрадовало, когда я тебя увидел. Сегодня у нас был обыск, у меня нашли письмо, но не от тебя, старое, о котором я уже забыл”.

Этим оканчиваются письма г. Ludf, как он подписался на своей карточке. Более он не писал или письма его не получались до самой катастрофы. Вероятно, обыск дал такие результаты, что были предприняты серьезные меры для надзора за L. До 23 октября 1915 не было никаких вестей.

Как видно из переписки и последнего письма Веретенниковой, она была больна лихорадкой, но при своем хорошем крепком здоровье переносила ее легко и то сидела взаперти у себя дома, то выходила, не замечая повышенной температуры, и не обращая на нее внимания.

Получив такое письмо, убаюканная сладкими речами своего героя, в лихорадочном жару Веретенникова отдавалась воспоминаниям своих прежних переживаний, любовалась карточкой своего идеального героя, строила воздушные замки, жила в каком-то другом, сказочном мире. Но и в это

царство проникали тревога и сомнение. Приписка, сделанная к ее письму, ее тревожила – опять оказалось какое-то письмо! От кого это, если это не ее старое? Быстрой и решительной Веретенниковой не терпелось, нужно было узнать – и вот 23-го она пишет письмо, которое ясно свидетельствует о том лихорадочном состоянии, в котором находилась девушка: “Твое письмо, – пишет она, – правда, меня очень обрадовало. Карточку я зацеловала. Я уже совсем здорова, кашель только еще не прошел. Вчера я хотела с тобой говорить, но это мне не удалось, и я очень злилась. Напиши, пожалуйста, что за письмо у тебя нашли? Мое старое, или чье другое? Это очень интересно знать. Скоро будет зима, будешь ли ты кататься на коньках? Вот если бы к тому времени был мир, катались бы вместе, но это мечты и они останутся мечтами. По целым дням думаю о тебе и это доставляет мне лучшее удовольствие. Я никуда не хожу гулять и если бы ты знал, как на меня злятся мои знакомые. Недавно я над одним так подшутила, что он и теперь не опомнится (так ему и надо пусть не лезет со своей любовью), когда я ему сказала, что уже люблю, но, конечно, не сказала “кого”. Если бы он знал, что я люблю тебя, то он бы, пожалуй, взбесился и лопнул бы от зависти. Целую тебя крепко, крепко так, как целовала когда-то и может быть поцелую в будущем. Пиши почаще и побольше. Что делается с Солови? Почему ты поссорился с Форбеком? Почему не уходит теперь Вышеск? Пожалуйста, отвечай. Еще раз целую. Письмо сожги”.

Письмо это не дошло. 23-го оно попало в руки начальницы. Утром этого же числа начальница уже получила из управления воинского начальника письмо ученицы Вдовенко, найденное у австрийского офицера L. В 10-30 она отправилась в квартиру Вдовенки вместе с классной надзирательницей Александровской. Не застав Вдовенки, г. Сагатовская осталась ее ожидать, а Александровскую отправила в соседнюю квартиру. Узнав, что передача писем и вещей производится через сад в квартире Марковых, начальница с Александровской отправляется туда и там на самом месте передачи застаёт двух гимназисток и у одной из них отнимает письмо, которое, по сознанию гимназисток, принадлежит Веретенниковой. Только к 4-м часам все возвращаются в гимназию. Все это, как о конфискации письма, об обыске Вдовенки, об ее указании квартиры Марковых, конечно, не могло быть скрыто от Веретенниковой. Она узнала, что письмо, найденное у L принадлежит Вдовенке, а вероятно и ответ г. L. ей был также известен. Дело было для нее ясно – она обманута.

Удар был очень жесток и неожидан. Он так ошеломил молодую девушку, что она действовала сначала как-то меланхолически-лихорадочно, занятая неотступно одной подавляющей ее мыслью о несправедливой тяжелой обиде и желании, чтобы все поняли всю низость опутавшего ее обмана. Она спешит сознаться начальнице, что записку писала она, Веретенникова, что у нее есть и письма офицера и его фотографическая карточка. Наконец, сбегав за письмами, она отдает их и даже читает их сама и объясняет значение непонятных слов, так как письма написаны лицом, плохо знающим русский язык. Но начальницу потребовали на совет. Все расходятся, и Веретенникова прощается со своими двумя подругами и, выйдя из гимназии, остается одна сама с собой, среди полумрака туманного, неприветливого, холодного осеннего вечера с лихорадочно разгоряченной головой. Ужас ее положения представляется во всей полноте ее воспаленному воображению. За несколько

часов перед тем полная жизни, счастливая, гордая своим счастьем и чудными мечтами о будущем, никогда не знавшая горя, Веретенникова вдруг очутилась одна, несчастная, осмеянная, униженная, покинутая, чуждая всем. Чудный мир, с которым она сжилась, сроднилась, – исчез навсегда, прежнее уже не интересовало ее – она уже не жила в нем, она отстала от него и он ее не понимал. Она одна, кругом пусто. Куда идти, куда деться от этой давящей пустоты, от сосущей сердце тяжкой обиды, которой никто в мире не поймет. Что может принести ей завтрашний день? И вот этот ужас полного отчуждения от всего охватил бедную лихорадочно разгоряченную голову девушки и произвел в ней тот страшный таинственный переворот, когда инстинкт жизни исчезает, когда всем существом овладевает навязчивая идея освободиться от гнета жизни и когда внешние чувства не в силах бороться против новой могучей силы. Влекомая этой силой заходит Веретенникова к своей более близкой подруге, пишет свои несколько прощальных строк, но и здесь мелькает в ее сознании забота – поймут ли ее в этом мире, – и успокаивается она: «Меня поймет Тиша Яценко». И эта последняя мысль влечет ее по знакомой дороге к знакомой речке Сосенке, на берегу которой она мечтала о лучшем мире.

Найденный на третий день труп утопленницы был перенесен в ближайшее жилье – дом Яценки»¹⁷.

Автор текста, как видим, рассмотрел трагедию в русле индивидуальной истории любви, снабдив персонажей чертами драматических героев: чистая, наивная главная героиня и ее возлюбленный – соблазнитель, играющий чувствами молодой девушки; а так же использовал композиционный прием, при котором история заканчивается там, где она начинается – на берегу реки Сосенки. Упоминание, что труп был перенесен в дом Яценки, добавляет сюжету гендерно-философский мотив нереализованности мечтаний провинциальных девочек-подростков, которым было сложнее реализовать себя в жизни, чем мальчикам-сверстникам.

Трудно говорить о том, насколько уместно при изучении обстоятельств самоубийств использовать подобный метод художественной интерпретации трагедии, однако очевидно, что душевные переживания, чувственный диссонанс играет важную роль в подростковом суициде. Показательно, что в подавляющем большинстве предсмертных записок суициденты никого не винят, причину постигшего их несчастья они усматривают в трагическом сочетании обстоятельств онтологического масштаба. Так и Мария Веретенникова в записке упоминает, что все равно когда умирать, теперь или потом, и просит своих родителей удочерить ее подругу-сироту, заменив, тем самым, ее место в семейном кругу: «Дорогие Папа и Мама. Я знаю, что это причинит Вам немало огорчений. Простите меня. Все равно умирать теперь или когда-нибудь. Всем девочкам привет. Саше (брат – В.А.) тоже привет и

---

¹⁷ Там же. Л.7-14.

поцелуй. Добро мое отдайте Вере Силич, и если можно возьмите ее вместо меня. Привет Тише Яценко. Он меня поймет. Прощайте»¹⁸.

Один из теоретических разработчиков «нарративной истории» французский философ Поль Рикер течение истории рассматривал с точки зрения типологии интриг, уделяя пристальное внимание чувственному (сенсительному) срезу событийного мира. Он писал: «Разве не пытаются историки так же внести ясность туда, где имеет место недоумение? И не там ли недоумение наиболее велико, где перемены судьбы наиболее неожиданны? Другая импликация влечет за собой еще большее ограничение: не следовало ли сохранить применительно к перелому отсылку к счастью и несчастью? Не толкует ли в конце концов всякая рассказанная история о превратностях судьбы, о ее движении к худшему или к лучшему?.. Вводя несогласие в согласие, интрига вводит эмоциональное в интеллигибельное»¹⁹.

Особенность исследуемого нарратива заключается в том, что в нем произошло слияние двух уровней: диегетического (повествовательного) и миметического (подражательного)²⁰. Если в первом случае рассказчик (нарратор) присваивает себе интерпретацию феномена, то во втором – он играет функцию посредника между объектом и адресатом (читателем). В нашем случае снабжение отчета окружного инспектора В.В.Шихова материалами дела – любовная переписка, протоколы дознания, заявление родственников девушки – позволяет учитывать сенсительный и интеллигибельный уровни восприятия материала. Любопытно, что первоначальная интерпретация трагедии, предпринятая местным приставом Курепиным, переносила акцент с романтической составляющей истории на педагогическую ошибку, допущенную начальницей гимназии Сагатовской, что представляется вполне ожидаемым, учитывая, что с точки зрения нарратологии протоколы дознания относятся к миметическому типу нарратива. В протоколе мы читаем:

«1915 года октября 25 дня пристав 2-го стана Брюченского уезда Курепин составил настоящий протокол о нижеследующим: сего числа ко мне в канцелярию явился крестьянин слоб. Землянщины, Засосенской волости Илья Захарович Веретенников, проживающий в г. Бирюч в собственном доме и заявил, что 23 октября с.г. около 5 часов вечера начальница Бирюченской женской гимназии для личных переговоров в гимназию вызвала его дочь ученицу VII класса Марфу Веретенникову. После переговоров с начальницей гимназии его дочь Марфа домой не явилась и в этот вечер неизвестно куда скрылась. Через расспросы учениц он выяснил, что некоторые ученицы, в том числе и его дочь Марфа Веретенникова, вели любовную переписку с военнопленным австрийским офицером, и когда об этой переписке узнала начальница гимназии, то сейчас же послала за его дочь Марфой Веретенниковой и потребовала выдать все письма, которые она получила от военнопленных австрийских офицеров. Познакомившись с содержанием

¹⁸ Там же. Л. 6 (об).

¹⁹ Рикер П. Время и рассказ. Т.1. М.-СПб., 2000. С.56.

²⁰ Более подробно о типологии нарратива см.: Шмид В. Нарратология. М., 2003.

писем, начальница гимназии стала запугивать его дочь, что она уволит ее из гимназии по волчьему билету, здесь на эти слова его дочь заявила, что ее больше в гимназии она не увидит, и вышла из комнаты. Вследствие чего он просит произвести розыск его дочери и допросить начальницу гимназии»²¹.

Педагогический совет гимназии именно Сагатовскую обвинил в смерти девушки, однако инспектор Шихов с таким выводом не согласился. Вероятно, исследуя детские самоубийства, в которых роль иррационально-чувственного несоизмеримо выше, чем в самоубийствах взрослых людей, необходимо учитывать весь комплекс объективных и субъективных причин, выделяя психофизиологические возрастные особенности. Конечно, в этом случае, повышенная ответственность ложится на педагогический коллектив.

Тем не менее, Шихов был совершенно прав в том, что сам сюжет романтических отношений между девушками-крестьянками и пленными офицерами играл важную роль, был весьма распространенным в годы Первой мировой войны. Российская деревня, лишившаяся мужской рабочей силы, не справлялась с хозяйством, вследствие чего военные власти направляли пленных на полевые работы в помощь русским крестьянкам, в результате этого нередко завязывались романтические отношения. Как отмечает П.Щербинин, даже до фронта стали доходить слухи о том, что крестьянки изменяют своим солдатам-мужьям с пленными²². По крайней мере, случались перемены политической ориентации крестьянок на романтической почве²³. Так, 27 апреля 1915 г. 23-летняя мещанка г. Барнаула Анна Косачева, влюбившаяся в пленного австрийского офицера Костю, произнесла: «Надо застрелить нашего государя и всех союзных, тогда кончится война, и я с Костей поеду во Львов, где и будем подданными Франца Иосифа»²⁴.

Таким образом, рассмотренная история, помимо общих вневременно-романтических, психофизиологических причин, несет в себе и вполне временную характеристику, являясь следствием распространенных в годы Первой мировой войны отношений. Особенностью рассмотренного дела о самоубийстве Марии Веретенниковой является сочетание диететического и миметического нарративных уровней, позволяющих читателю составить более полное представление о случившейся в прошлом трагедии.

---

²¹ РГИА. Ф.733. Оп.199. Д.328. Л.24.

²² Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни российской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С.247.

²³ Более подробно о политических настроениях российских крестьян см.: Аксенов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914 – 1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации// Российская история. №4. 2012. С.137-145.

²⁴ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.362.

Відомості про авторів

Аксьонов Владислав – к.і.н., доцент Московського державного технічного університету – МІРЕА.

e-mail: vlaks@mail.ru

Андрєєв Віталій – д.і.н., професор, завідувач кафедри всесвітньої історії та історіографії Херсонського державного педагогічного університету.

e-mail: avnskif@yandex.ru

Барабаш Наталя – к.і.н., доцент, завідувач кафедри гуманітарних та соціально-економічних дисциплін Криворізького факультету Національного університету «Одеська юридична академія»

e-mail: mereo@rambler.ru

Богдашина Олена – д.і.н., професор кафедри історії України Харківського національного педагогічного університету ім. Григорія Сковороди.

e-mail: bohdashyna@gmail.com

Будзар Марина – к.і.н., доцент кафедри історії України Київського університету ім. Бориса Грінченка.

e-mail: qmimaq1113@yahoo.com

Буряк Лариса – д.і.н., професор, завідувач бібліографічного відділу Державної наукової установи «Енциклопедичне видавництво».

e-mail: larysa.buryak@gmail.com

Ващенко Володимир – д.і.н., професор кафедри історії України Дніпропетровського національного університету ім. Олесь Гончара.

e-mail: vovanm@i.ua

Виноградов Геннадій – к.і.н., доцент кафедри історії України Дніпропетровського національного університету ім. Олесь Гончара.

e-mail: vengi@mail.ru

Вирський Дмитро – д.і.н., провідний науковий співробітник відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

e-mail: vyrsky@yahoo.com

Калакура Ярослав – д.і.н., професор кафедри архівознавства та спеціальних галузей історичної науки Київського національного університету ім. Т. Шевченка.

e-mail: kalajar@woliacable.com

Киридон Алла – д.і.н., професор, директор Державної наукової установи «Енциклопедичне видавництво».

e-mail: akurydon@ukr.net

Колесник Ірина – д.і.н., професор, провідний науковий співробітник Інституту історії України НАН України.

e-mail: ikolesnyk2002@gmail.com

Кульчицький Станіслав – д.і.н., професор, завідувач відділу історії України 20 – 30-х рр. XX ст. Інституту історії України НАН України.

e-mail: s_kul@ukr.net

Лубський Анатолій – д.філос.н., професор кафедри соціології, політології і права Інституту з перепідготовки і підвищення кваліфікації викладачів гуманітарних і соціальних наук Південного федерального університету (м. Ростов-на-Дону, Росія).

e-mail: avlubsky@gmail.com

Масненко Віталій – д.і.н., професор кафедри історії та етнології України Черкаського національного університету ім. Богдана Хмельницького.

e-mail: masnenko@ukr.net

Онопрієнко Валентин – д.філос.н., професор, завідувач відділу методології та соціології науки ім. Г.М.Доброва НАН України.

e-mail: valonopr@gmail.com

Остриєнко Андрій – к.і.н., доцент кафедри історії та археології України Чернігівського державного педагогічного університету ім. Т.Г.Шевченка.

e-mail: ostruanko@ukr.net

Панченко Вікторія – к.і.н., Житомирський державний університет ім. І.Я.Франка.

e-mail: panchenkovs@email.ua

Попова Тетяна – к.і.н., професор кафедри історії нового і новітнього часу Одеського національного університету ім. І.І.Мечникова.

e-mail: tnsp75@mail.ru

Савчук Варфоломій – д.і.н., професор Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара.

e-mail: varfolomey44@gmail.com

Сальнікова Алла – д.і.н., професор, завідувач кафедри історіографії Казанського державного університету.

e-mail: Alla.Salnikova@ksu.ru

Світленко Сергій – д.і.н., професор, декан історичного факультету Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара.

e-mail: svitlenko@gmail.com

Суздаль Марина – аспірантка відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

e-mail: marina-suzdal@yandex.ru

Чаплиць Ольга – аспірантка Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара.

e-mail: olyachaplits@mail.ru

Шандра Валентина – д.і.н., професор, провідний науковий співробітник відділу історії України XIX – початку XX ст. Інституту історії України НАН України.

e-mail: valshandra@gmail.com

Шелудякова Наталія – аспірантка відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

e-mail: natalia_shel@list.ru

Щукін Васілій – д.філол.н., професор Ягеллонського університету (Краків), завідувач кафедри історії російської літератури Середньовіччя і Нового часу.

e-mail: wszczukin@yandex.ru

Ясь Олексій – д.і.н., старший науковий співробітник відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

e-mail: alexuas@ukr.net

Анотації / Summaries

Аксенов Владислав / Aksenov Vladislav

УДК 930.1

Трагический нарратив: к вопросу об особенностях самоубийств учащихся в период Первой мировой войны

В статье рассматривается феномен подросткового самоубийства в контексте как общих возрастных особенностей, так и общекультурных тенденций, связанных с увлеченностью молодежи декаданской литературой. На различных примерах отмечаются условия военного времени, сыгравшие роль катализатора депрессивных настроений, приводивших молодежь к суициду. Автор отдельно останавливается на анализе отчета о самоубийстве ученицы гимназии г. Бирюч М.Веретенниковой, написанного инспектором Харьковского учебного округа В.В.Шиховым с использованием форм художественной интерпретации событий. Отталкиваясь от нарратологического подхода автор статьи отмечает как чувственный (сенсительный), так и рациональный (интеллигибельный) уровни текста Шихова, позволяющие полнее осмыслить трагический феномен детского суицида.

Ключевые слова: нарратив, детский суицид, Первая мировая война.

Tragic narrative: to a question of features of suicides of pupils during World War I

In article under analysis is the phenomenon of teenage suicide in a context of both the general age features, and the common cultural tendencies connected with enthusiasm of youth for decadence literature. On various examples the wartime conditions which played a role of the catalyst of the depressive moods leading youth to a suicide are noted. The author separately stops on the analysis of the report on suicide of the schoolgirl of a gymnasium of Biryuch M. Veretennikova written by the inspector of the Kharkov educational district V. V. Shikhov with use of forms of art interpretation of events. Making a start from narratological approach the author of article notes both sensual (sensible), and rational (intelligible) the levels of the text of Shikhov allowing to comprehend more stoutly a tragic phenomenon of a children's suicide.

Keywords: narrative, children's suicide, World War I.

Андреев Виталий / Andreev Vitalii

УДК [930.2:929]:159.964.2

**Патографія як жанр біографічного дослідження:
журнал «Клинический архив гениальности и одаренности
(эвропатологии)» (1925–1930)**

У статті розглядається жанр біографічного дослідження – патографія. Висвітлено життя та діяльність видатного дослідника патографій визначних особистостей, російського радянського лікаря-психіатра Г. Сегаліна. На думку вченого геніальність та обдарованість завжди поєднують в собі симптоми надзвичайної продуктивності та психічної аномальності. Цей симбіоз обдарованості та патології є невід’ємною складовою життя видатних людей. Протягом 1925–1930 рр. учений випускав унікальний для свого часу журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (европатологии)» на сторінках якого друкувалися дослідження патографій відомих творчих особистостей. Навколо часопису об’єдналися радянські та західноєвропейські дослідники які намагалися вивчати феномен геніальності та обдарованості.

Ключові слова: патографія, Г. Сегалін, геніальність, обдарованість, европатологія.

The patography as a genre of the biographical research:

«Klinicheskiy Arkhiv Genialnosti i Odarennosti (Evropatologii) [Clinical Archive of Genius and Talent (of Europathology)]» magazine (1925–1930)

This article is devoted to the genre of biographical research – patography. It is analyzed the life and activities of the prominent researcher of the famous personalities’ patography, russian and soviet psychiatrist G. Segalin. According to the scientist the genius and the talent always combine the symptoms of the incredible performance and the mental abnormality. This symbiosis of talent and pathology is an integral part of the famous people’s life. During the period from 1925 to 1930 scientist had been publishing the unique for his time magazine «Klinicheskiy Arkhiv Genialnosti i Odarennosti (Evropatologii)», in that publication was presented patography researches of famous creative individuals. The Soviet and the Western European scientists who tried to study the phenomenon of genius and talent united around the journal.

Keywords: The patography, G. Segalin, the genius, the talent, the europathology.

Барабаш Наталія / Barabash Natalia

УДК 929.52 (477)

«Автобіографічні записки» М. Маркевича – джерело з історії родини

У публікації «Автобіографічні записки» М. Маркевича розглядаються у якості надзвичайно інформативного джерела з сімейної історії Маркевичів – Марковичів та знаних українських кланів, з якими вони породнилися.

Ключові слова: М. Маркевич, автобіографічні записки, «сімейна доля», маєткові локуси.

M. Markevych’s «Autobiographical notes» – source about the family history

In the article M.Markevych's «Autobiographical notes» as an important informative source about the family history of the Markevych-Markovych and other Ukrainian families, which they were related to, are considered.

Keywords: M. Markevych, autobiographical notes, «family fate», country seat locus.

Богдашина Олена / Bogdashina Olena

УДК 159.924.7:929 М. М. Ковалевский

Роль сімейних традицій у життєвому сценарії М. Ковалевського

Стаття присвячена впливу сімейних традицій на формування життєвого сценарію М. М. Ковалевського. Особливу увагу приділено характеристиці поміщицького побуту, дворянських правил поведінки. Зроблено висновок про велику роль матері М. М. Ковалевського в його дитинстві та молодості.

Ключові слова: життєвий сценарій, сімейні традиції, психологія маменького сина.

The role of family traditions in the life script of M. Kovalevsky

Article is devoted to the influence of family traditions on the formation of life script of M.Kovalevsky. Particular attention is given to the characteristic of the landowner life, noble rules of conduct. Concluded a large role M. Kovalevsky's mother in his childhood and youth.

Keywords: life script, family traditions, psychology of mothers son.

Будзар Марина / Maryna Budzar

УДК 316.64:572.026(477)(091)

Проблема ідентичності як механізму конструювання соціальних практик особистості: до створення інтелектуальної біографії Григорія Галагана

У статті розглянуто питання використання стратегій теорії ідентичності для відтворення біографії історичного діяча. Проаналізовано можливості біографічної розвідки на підставі дослідження особливостей самовизначення особистості в її соціальній активності. Особу Григорія Галагана як представника національної еліти XIX століття репрезентовано у співвідношенні сталих та персонально мінливих факторів механізму ідентифікації, реалізованого у багатоскладовому соціальному просторі.

Ключові слова: біографічна історія, ідентичність, самоідентифікація, національна еліта, Григорій Галаган.

Problem of identity as a mechanism for constructing social practices of personality: the creation of intellectual biography Gregory Galagan

The article discusses the use of strategies of identity theory to reconstruct a biography of a historical figure. The possibilities of biographical research by studying the features of self-identity in its social activity are analyzed. Gregory

Galagan personality as a representative of the national elite of the XIX century is shown in the ratio of fixed and variable factors of personal identification mechanism, which was implemented in multi-structured social space.

Keywords: biographical history, identity, self-identity, sociality, national elite, Gregory Galagan.

Буряк Лариса / Buryak Larysa

УДК 930.1 (477)

**Психологізація як стратегія біографічних досліджень
в українській історіографії першої третини ХХ століття**

Аналізуються механізми імплементації психологічних методів наукових досліджень, поширені в українській історіографії першої третини ХХ століття. Стратегія психологізації, втілена у студіях С. Балея, С. Єфремова, М. Могилянського, В. Петрова, розглядається як одна з найбільш ефективних дослідницьких практик, що застосовувалась з метою вивчення феномена геніальності ключових постатей національної історії – М. Костомарова, П. Куліша, Т. Шевченка, життя і творчість яких були проявом та відбиттям численних психологічних комплексів.

Ключові слова: українська історіографія, психологізація, С. Балея, С. Єфремов, М. Могилянський, В. Петров, М. Костомаров, П. Куліш, Т. Шевченко.

**Psychologization as a strategy of biographical research in Ukrainian
historiography of the first third of the twentieth century**

The implementation of mechanisms of psychological research methods, common in Ukrainian historiography of the first third of the twentieth century is analyzed in the article. The strategy of psychologization embodied in S. Balay, S. Yefremov, M. Mohyliansky, V. Petrov studies is regarded as one of the most effective research practices, applied to study of the phenomenon of key figures of national history – M. Kostomarov, P. Kulish T. Shevchenko whose life and work manifested and reflected many psychological complexes.

Keywords: Ukrainian historiography, psychologization, S. Balay, S. Yefremov, M. Mohyliansky, V. Petrov, M. Kostomarov, P. Kulish T. Shevchenko.

Ващенко Володимир / Vashchenko Volodymyr

УДК 939.1

«Тіла історика»: «body politic» у текстах М. Грушевського

У статті досліджується «політика тіла» історика, зокрема, моделі репрезентації тіла у текстах М. Грушевського.

Одна, «репресивна» централістична модель, пов'язана з «науковим» патріархатним контрем над «економією бажань» і «сексуальністю» історика,

прищеплює через різні дисциплінарні дискурси (медичний, естетичний) локалізацію тіла у фігурі «голови патріарха» – «науковця-філософа».

Інші, децентралістичні моделі репрезентації тіла, які апелюють до неконтрольованих сексуальних бажань та тілесної оголеності, впроваджують ті політичні мови, які, за визначенням, повинні загрожувати патріархатним імперським структурам. У цьому випадку еротика сексуального тіла бажань в текстах українського історика говорить мовою націоналізму або революції.

Ключові слова: «політика тіла», М.Грушевський.

«Fleashes of the Historian»: «Body Politic» in M. Hrushevs'ky texts

In the article «body politic» of the historian are researched, in particular, flesh representation models in M. Grushevs'ky's texts.

One «repressive» «centralized» model, which is connected with «scientific» patriarchal control above the «economy of desires» and «sexuality» of the historian, inculcates through different disciplinary discourses (medical, aesthetical) localization of body in the figure of «head of patriarch» – a «scientist-philosopher».

Other, «decentralized» models of body representations, which appeal to uncontrolled sex desires and nudity, are inculcated those political languages, which on definition must threaten to the patriarchal empire structures. In this case the erotica sexual body of desires in texts of the Ukrainian historian talks by the language of nationalism or revolution.

Keywords: «body politic», M. Hrushevs'ky.

Виноградов Геннадій / Vinogradov Gennadii

УДК 94 (477) (075.8)

Парадокси феномену тілесності в інтелектуальному моделюванні середньовічної християнської цивілізації

У статті досліджується активна творча роль провідних біблійних та ранньохристиянських тілесних персон та сюжетів, які використовувалися представниками католицької та православної духовної та світської еліт в процесі моделювання середньовічної християнської цивілізації. Принципову увагу приділено давньоруському інтелектуальному досвіду творення державності Давньої Русі за допомогою розумових теологічних, лінгвістичних та власне історичних сегментів з яскраво вираженим чи латентним тілесним забарвленням протягом Раннього та Високого Середньовіччя, роль в моделюванні біблійних міфологічних та реальних історичних імен та назв.

Ключові слова: середньовічна християнська цивілізація, католицька та православна духовна та світська еліта, провідні біблійні та ранньохристиянські тілесні персонажі та сюжети, давньоруський інтелектуальний досвід творення державності Давньої Русі.

Paradoxes of Corporeity Phenomenon in the Medieval Christian Civilization intellectual Modeling Creativity

The Article investigates the active creative Role of the leading Bible and Early Christian Corporeity Persons and Topics in the Medieval Christian Civilization modeling Creativity by the Representatives of the Catholic and Orthodox spiritual and secular Elites. The principal Attention was spared to the Old Rus' intellectual Experiment of the Ancient Russia State Creation by the Corporeity mind theological, linguistic and historical Segments during the Early and High Medieval Period and to the Role of the mythological Bible Names, geographical and ethnic Names in the real historical names modeling.

Keywords: the Medieval Christian Civilization, the Catholic and Orthodox spiritual and secular Elites, the leading Bible and Early Christian Corporeity Persons and Topics, the Old Rus' intellectual Experiment of the Ancient Russia State Creation.

Вирський Дмитро / Vyrskyi Dmytro

УДК 930.1 (477)

Історія – сьогодні: теоретичні проблеми знання про минуле

Рец. на: *Historia – dziś. Teoretyczne problemy wiedzy o przeszłości / redakcja Ewa Domańska, Rafał Stobiecki, Tomasz Wiślicz. – Kraków: Universitas, 2014. – 413 s.*

History – Today: the theoretical problems of knowledge about the past

Review: *Historia – dziś. Teoretyczne problemy wiedzy o przeszłości / redakcja Ewa Domańska, Rafał Stobiecki, Tomasz Wiślicz. – Kraków: Universitas, 2014. – 413 s.*

Калакура Ярослав / Kalakura Yaroslav

УДК 930.1 (477)

Образ українського радянського історика в контексті інтроспекції

З'ясовується пізнавальний потенціал методу інтроспекції для дослідження образу українського радянського історика, який моделюється на основі авторських спостережень, джерел особового походження і текстів наукових досліджень у розрізі різних поколінь, наукових шкіл, світоглядних орієнтирів та комунікаційних зв'язків. Сформульовано низку пропозицій щодо подальших досліджень з психологічної історії та врахування уроків минулого в підготовці фахових істориків.

Ключові слова: інтроспекція, джерела інтроспекції, психологія історії, образ українського радянського історика, самопізнання історика.

The image of the Ukrainian Soviet historian in the context of introspection

We explain the cognitive potential of the method of introspection to study the image of Ukrainian Soviet historian which is modeled based on the author's observations, sources of personal origin and texts of research in terms of generations, scientific schools, ideological orientation and communication links. The author formulated a number of proposals for further research on the psychological history and incorporate the lessons of the past in the preparation of professional historians.

Keywords: introspection, sources introspection, psychology, history, image of the Ukrainian Soviet historian, self historian.

Киридон Алла / Kyrydon Alla

УДК 930.1 (477)

«Тіло» в просторі пам'яті

У міждисциплінарному просторі сучасної гуманітаристики в руслі постнекласичної епістемології виник тілесно-орієнтований підхід: «тіло» визнається найважливішим виміром людського існування й розглядається як основний предмет гуманітарного знання, ґрунтованого на досвіді. Важливою тезою при цьому є мислення через тіло. Базовий методологічний засновок порушеної проблеми ґрунтується на уявленні, що пам'ять є «станом нашого тіла» (А. Бергсон).

Ключові слова: тіло, феномен тілесності, пам'ять.

«Body» in the space of memory

Body-oriented approach emerged in the space of modern interdisciplinary humanities in the mainstream of Postnonclassical epistemology. «Body» is recognized the most important dimension of human existence and is regarded as the main object of human knowledge, grounded in experience. An important thesis in this case is thinking through the body. The basic methodological premiss of problems based on the notion that memory is a «state of our body» (A. Bergson).

Keywords: body, phenomena of body, memory.

Кульчицький Станіслав / Kulchytskyi Stanislav

УДК 930.1 (477)

Компаративні аспекти політичної біографістики

Стаття присвячена специфіці жанру політичної біографістики. На прикладах представлення діячів української історії початку ХХ ст.

Ключові слова: політична біографістика, діячі української історії початку ХХ ст.

The comparative aspects of political biographical research

The article is devoted to the specifics of the genre of political biographical. The examples represent figures of Ukrainian history early 20th century.

Keywords: political biographical research, figures of Ukrainian history early twentieth century.

Лубский Анатолий / Lubskyi Anatolii

УДК 929:008 (091)

Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования)

В статье рассматриваются различные представления о человеке второго плана, сложившиеся в современной персональной истории; раскрывается методологическое значение в историко-биографических исследованиях принципов реализма, номинализма, социологизма, антропологизма и конструктивного альтернативизма; выявляются эвристические возможности изучения человека второго плана в рамках нарративного реализма с помощью различных риторических стратегий.

Ключевые слова: биографистика, человек второго плана, история как «science», история как «art», реализм, номинализм, социологизм, антропологизм, конструктивный реализм, конструктивный альтернативизм, нарративный реализм.

Person in a supporting role: methodological issues of «the new biographism» («the glass bead game» or narrative strategy of historical and biographical research)

The article deals with different views of character in a supporting role developed in modern personal history, reveals methodological significance of the principles of realism, nominalism, sociologism, anthropologism and constructive alternativism in historical and biographical researches, identifies heuristic possibilities of studying person's supporting role within the frameworks of narrative realism through various rhetorical strategies.

Keywords: biographistics, person in a supporting role, history as «science», history as «art», realism, nominalism, sociologism, anthropologism, constructive realism, constructive alternativism, narrative realism.

Масненко Віталій / Masnenko Vitalii

УДК 94 (477):159.923.31:165.242.1:929 (Липинський)

«Різні обличчя» одного мислителя: візуалізація тілесності в самопрезентації В'ячеслава Липинського

У статті запропонований новий підхід до біографічних студій через візуалізацію тілесності В'ячеслава Липинського.

З'ясовано, що мислитель вдавався до активної візуалізації власної тілесності при конструюванні моделей еґо-презентації. Його основні образи: військового, хлібороба, історика, політика і державного діяча, інваліда

(каліки) зафіксовані у фотографіях і текстуально. З іншого боку, він відкидав, як неприйнятні для себе (для власної самопрезентації) образи інтелігента та кабінетного професора. Розглянути тілесна символіка і «техніки тіла», які присутні у дискурсі та життєвих практиках мислителя. Встановлено, що в його «тілесній схемі» домінують стриманість, строгість і навіть аскетизм. Особлива увага звернута на хвороби (туберкульоз, неврастенію) і біль як проєкції його онтології тілесності. Відстежується залежність його психологічного стану від тілесності, зокрема прогресуючої, смертельної недуги.

Altera-презентація тілесності Липинського помітно розширює коло візуалізації. Його образи, створенні сучасниками та дослідниками виявились більш колоритними і різномірними, ніж його власні презентації. Тут, окрім згаданих вище, представлені образи «юнака із вдумливими очима», «денді» тощо. Досить рідко зустрічаються негативно забарвлені образи.

Ключові слова: тілесність, В.Липинський, візуалізація, репрезентація, ego-презентація, «техніки тіла», тілесні образи, тілесна символіка, хвороба, біль, altera-візуалізація.

«Different faces» of a thinker: visualization of corporeity in Vyacheslav Lypynsky's self-presentation

The article deals with a new approach to the biographical studies through visualization of corporeity by Vyacheslav Lypynsky.

It is found out that the thinker actively resorted to visualize his own corporeity designing the ego-presentation models. His main images: military man, farmer, historian, politician and statesman, disabled person (cripple) were recorded in photographs and textually. On the other hand, he rejected as unacceptable for him (for his own self-presentation) images of the intellectual and the professor of the cabinet. The article considers the corporal symbols and «corporal techniques» which are presented in the discourse and thinker's everyday practices. We came to the conclusion that in his «corporeal schema» restraint, austerity and even asceticism are dominated. Particular attention is paid to diseases (tuberculosis, neurasthenia) and pain as a projection of his ontology of corporeity. We traced the dependence of his psychological state on corporeity, including progressive, fatal disease.

Altera-presentation of Lypynsky's corporeity significantly expands the scope of visualization. His images, created by contemporaries and scholars were more colorful and diverse than his own presentation. Here, in addition to those above mentioned, images the image of «a young man with thoughtful eyes», «dandy» and so on can be presented. Negative images are quite rare.

Keywords: corporeity, V. Lypynsky, visualization, representation, ego-presentation, «corporeal techniques», corporeal image, corporeal symbol, disease, pain, altera-visualization

УДК 930.1 (477)

Апории биографического письма и научная биография

Несмотря на кажущуюся простоту и многовековую традицию, биография, в её литературной и научной форме, – жанр, который по самой своей сути содержит в себе противоречия (апории). Апории создают внутреннее напряжение в биографии как культурной форме. Биография, с одной стороны, представляет собой схему упорядочения собственного опыта как компонента системы ориентации действующего индивида (автобиография), с другой стороны – это гипотетическое воспроизведение этой схемы самопонимания и самопредъявления индивида уже другим действующим лицом в ситуации и акте биографирования. Апории биографии и биографического метода способствуют мифологизации биографий. Биограф в затруднительных случаях всегда готов подставить собственные, принятые в его культуре, часто вполне трафаретные, анонимные, почерпнутые из здравого смысла нормы интерпретации. В статье на основе авторского опыта написания биографий ученых показывается возможность преодоления в научной биографии противоречий жанра.

Ключевые слова: биография, научная биография, биографический метод, апории, противоречия, история науки.

Aporia biographical writing and scientific biography

Despite the seeming simplicity and centuries-old tradition, biography, in its literary and scientific form, – a genre that by its very nature contains contradictions (paradoxes). Aporia create internal stresses in the biography as a cultural form. Biography, on the one hand, is a diagram of ordering his own experience as a component of the current orientation of the individual (autobiography), on the other hand – this is a hypothetical reproduction of this scheme and the self-understanding of the individual self-presentation have another actor in the situation and act of biography. Aporia biographies and biographical method contribute mythologizing biographies. Biographer in difficult cases is always ready to substitute its own, adopted in its culture, quite often stereotyped, anonymous gleaned from common sense rules of interpretation. On the basis of the author's experience of writing biographies of scientists show the possibility of overcoming contradictions in the scientific biography genre.

Keywords: biography, scientific biography, biographical method, paradoxes, contradictions, and the history of science.

УДК 930.1 (477)

Рец. на: Богдашина О.М. *Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.): [монографія]. – 2-е вид.; доп. та переробл. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – 560 с.*

Positivism – a Methodology optimists

Review: Богдашина О.М. *Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.): [монографія]. – 2-е вид.; доп. та переробл. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – 560 с.*

Панченко Вікторія / Panchenko Victoria

УДК 930.1 (477)

Професія як вимір біографії (на прикладі мирового судді Житомирського округу А. Токаржевського-Карашевича)

У статті на прикладі одного із мирових суддів Волинської губернії з'ясовано роль професії у житті особи, простежено кар'єру та ті соціальні умови, що впливали на формування його світогляду і на якість здійснюваного ним правосуддя. Зроблено висновок про те, що судова реформа 1864 р. породила тип шанованого і сумлінного судді, особистість якого фактично злилась із професією.

Ключові слова: судова реформа 1864 р., мировий суддя, професія, біографія, судова дільниця, правосуддя.

Profession as another side of biography (on example of peace's judge of Zhitomir district A. Tokarzhevskiy-Karashevych)

In the article on example one of peace's judge of Volyn province it found role of profession in the human life, traced a career and that social conditions, which influenced on formation his outlook and quality of made him justice. It made a conclusion that judicial reform of 1864 formed a type of honorable and conscientious judge, whose personality interflowed factually with his profession.

Keywords: judicial reform of 1864, peace's judge, profession, biography, judicial district, justice.

Попова Тетяна / Popova Tatyana

УДК 930.1 (477)

Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика

В статье рассмотрены ведущие тенденции в формировании категориального аппарата современных биографических исследований, а также типы биографических моделей. Предложена авторская биоисториографическая модель и вариант биоисториографического этюда.

Ключевые слова: биоисториографическая модель, П.Бицилли.

**Biographies of Scholars at the crossing of historiographical traditions:
theory, methodology, practice**

The leading tendencies at forming categorical apparatus of modern biographical researches are considered, and types of biographical models too in the article. Author's biographical-historiography model and version of biographical-historiography etude are offered also.

Keywords: biographical-historiography model, P.Bicilli.

Савчук Варфоломій, Чаплиць Ольга / Savchuk Varfolomii, Chaplits Olga
УДК 93+929(091)+04.15

**Метод інтерв'ю в історико-біографічному дослідженні зі звуженою
джерельною базою**

Проведений аналіз факторів, що впливають на обмеженість джерельної бази в історико-біографічних дослідженнях в силу низки соціальних причин. Розглянута специфіка використання метода інтерв'ю в історико-біографічному дослідженні при звуженій джерельній базі. Запропонований методологічний підхід і процедури до застосування методу інтерв'ю при вивченні шкіл в ракетно-космічній галузі (на прикладі вивчення науково-конструкторської школи В.М.Ковтуненка).

Ключові слова: історико-біографічне дослідження, джерела, обмеженість джерельної бази, соціальні фактори, метод інтерв'ю, науково-технічна школа, специфіка застосування.

**Interview method in historical and biographical study with narrowed source
base**

The paper analyzes the factors affecting narrowness of the source base in the historical and biographical researches in a result number of social causes. It was studied the specificity of the interview method in an historical and biographical study when narrow base source. Were proposed methodological approaches and the procedures to the application of the interview method in the study of school in the space industry (for example, the study of research and design school V.M.Kovtunenka).

Keywords: historical and biographical researches, sources, narrowness of the source base, social factors, interview method, Science-technology School, the specific applications

---

Сальникова Алла / Salnikova Alla

УДК 930.1

**«Вспомнить все», или материалы анкетных обследований как
коммеративный нарратив**

Статья посвящена материалам инициативного документирования – анкетам – как специфическому источнику по истории межэтнических и межкультурных

отношений в ситуации фронта. На примере собранных автором в процессе реализации проекта «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития» анкет-самоописаний жителей столицы Татарстана – Казани, города, где межкультурные взаимодействия исторически были весьма плотными и интенсивными, продемонстрирована множественность и разнообразие отношений инаковости на советском и постсоветском пространстве, прослежены культурные практики межэтнической кооперации, истоки и предпосылки формирования и существования особой «татарстанской модели» межнациональных отношений.

Ключевые слова: инициативное документирование, мегатекст-самоописание, деконструкция памяти, мультикультурность, Казань, Татарстан, XX-XXI вв.

«Total recall», or the data of questionnaire surveys as a commemorative narrative

The article is devoted to the initiative documentation materials – questionnaires – as a specific source on the history of interethnic and intercultural relations in the situation of the frontier. Example of questionnaires-self-descriptions of the capital of Tatarstan – Kazan – inhabitants, where intercultural interaction has historically been very dense and intense, collected by the author in the process of implementation of the project «Russian multicultureness of the region as a (de)stabilizing factor of the historical development» demonstrated the multiplicity and diversity of the relations of otherness in Soviet and post-Soviet space, traced the cultural practices of ethnic cooperation, the origins and preconditions of formation and existence of a special «Tatarstan model» of interethnic relations.

Keywords: megatext-selfdescription, deconstruction of memory, multicultureness, Kazan, Republic of Tatarstan, XX-XXI centuries.

Світленко Сергій / Svitlenko Serhii

УДК 930.1 (477)

Борис Грінченко: структура інтелектуальної біографії

У статті звернуто увагу на актуалізацію інтелектуально-біографічного підходу в сучасній історіографії, розкрито сутність конструкту структури інтелектуальної біографії. В центрі дослідження структура інтелектуальної біографії визначного українського діяча кінця XIX – початку XX ст. Бориса Грінченка, її часові, просторові та змістові елементи, які перебували в певній динаміці та взаємозв'язку. Виділено сім структурних інтелектуально-біографічних періодів. Два перших з них – харківський дитячий (1863–1874) та харківський юнацький (1874–1881) – були періодами формування особистості Б.Грінченка та зародження його інтелектуальної праці. Становлення інтелектуального життя Б.Грінченка як українського народолобця відбувалося в часи ранньої молодості, репрезентовані

харківсько-полтавсько-сумським (1881–1885) та херсонським (1885–1887) періодами. Катеринославський (олексіівський) період інтелектуальної біографії Б.Грінченка (1887–1893) вирізнявся насиченістю й різноманітністю розумової діяльності, яка набула не тільки прикладного освітянсько-культурницького, а й суспільно-політичного теоретичного смислу. Інтелектуальною зрілістю характеризувалися чернігівський (1893–1902) та київський (1902–1910) періоди біографії українського діяча. Вони вирізнялися багатшаровістю інтелектуальних пластів та змістових напрямів діяльності, охоплювали не тільки регіональний, а й всеукраїнський та загальноросійський інтелектуальний простір. Важливими взаємопов'язаними елементами інтелектуальної праці Б.Грінченка стали громадська і партійно-політична, просвітницько-публіцистична, видавнича, мовно-літературна, освітянська й наукова діяльність, що сприяла поступу української національної свідомості та активізації українського інтелектуального життя в Наддніпрянщині наприкінці XIX – на початку XX ст.

Ключові слова: інтелектуальна біографія, Б.Грінченко.

Boris Hrinchenko: The framework of his intellectual biography

In this article the author actualizes the importance of the intellectual biography approach for modern historiography. He offers a structure of «intellectual biography» term. As an example, the author studies Boris Hrinchenko`s intellectual biography framework. That person was a prominent Ukrainian statesman of the late XIX – early XX-th centuries. The author follows temporal, geographical and contextual parts of the biography, considering their dynamics and interplay. Seven biographical periods have been defined. The two first of them – Kharkov childhood (1863-1874) and Kharkov youth (1874-1881) ones – were the periods of identity formation when his intellectual activity started. During Kharkov-Poltava-Sumy (1881-1885) and Kherson (1885-1887) periods B. Hrinchenko became a representative of the Ukrainian narodoliubtsy movement. Ekaterynoslav (Alekseevskiy) period is famous for variety of Hrinchenko`s scholarly activity not only in educational and cultural, but in political and theoretical areas. Chernigov (1893-1902) and Kyiv (1902-1910) periods are characterized as intellectual maturity periods. They are distinguished by its multilateral intellectual activity that included not only local, but also national approach. Public, political, educational, journalistic, publishing, linguistic and literary activities were important interrelated elements of B. Hrinchenko`s intellectual biography. His educational and research activities contributed into the development of the Ukrainian national consciousness and Ukrainian intellectual life of Upper-Dnieper society in late XIX – early XX-th centuries.

Keywords: intellectual biography, B. Hrinchenko.

Суздаль Марина / Suzdal' Maryna

Феномен духовної біографії М.Цертелева

Стаття присвячена реконструкції духовної біографії культурно-громадського діяча Миколи Цертелєва. На основі архівних документів, зокрема «его джерел» та поезії М. Цертелєва здійснено спробу дослідити його життєвий шлях через призму духовних пошуків, саморефлексії. Головна увага приділена з'ясуванню місця та ролі у житті героя таких категорій як «сім'я», «релігія», «творчість», «ідеологія», «дружба», «моральність».

Ключові слова: М. Цертелєв, духовна біографія, духовний розвиток, саморефлексія, творчий процес, сім'я, ідеологія.

The phenomenon of spiritual biography of M.Tsetreliev

The article is dedicated to the reconstruction of spiritual biography of well-known cultural and public figure Mykola Tsetreliev. The investigation of his life through the lens of spiritual searches and self-reflection is based on the archival documents, particularly «ego-sources» and poetry of M. Tsetreliev. Chief attention is paid to the ascertainment of the place and the role of such categories as «family», «religion», «creativity», «ideology», «friendship», «morality» in his life.

Keywords: M. Tsetreliev, spiritual biography, spiritual development, self-reflection, creative process, family, ideology.

Шандра Валентина / Shandra Valentyna

УДК: 336 (470+571) «XVIII-XX ст.»

Фізичні покарання чиновників в Російській імперії (за законами кінця XVIII і до початку XX ст.)

В повідомленні з'ясовується еволюція інституції фізичних покарань в Російській імперії з кінця XVIII і до початку XX ст. Визначено, якими законодавчими актами держава регулювала покарання чиновників за порушення під час відбування державної служби. Встановлено, що позбавлення станових привілеїв дозволяло карати чиновників фізично, відповідно до їхніх зловживань. Висловлено припущення, що жорстокі законодавчі приписи відігравали превентивну роль й були далекими від застосування в адміністративних практиках.

Ключові слова: Російська імперія, чиновники, законодавство, фізичні покарання.

Physical punishment of officials in the Russian Empire (according to laws of the late XVIII – early XX century)

The report revealed the evolution of institutions of physical punishment in the Russian Empire from the late XVIII – early XX century. It was determined by what legislation the state regulated the punishment of officials for violations during civil serving. It was established that the deprivation of class privileges allowed physically to punish the officials, according to their abuses. We suggest that severe

legal regulations played a preventive role and were far from application in administrative practice.

Keywords: Russian Empire, officials, legislation, physical punishment.

Шелудякова Наталія / Sheludiakova Natalia

УДК 128/129:7.074 Грушевський

**Ідеї смерті та безсмертя в контексті колекціонування
М. Грушевського**

В статті робиться спроба проаналізувати відношення феномену колекціонування з ідеями смерті та безсмертя на прикладі колекціонерської діяльності М. Грушевського. Автор виділяє два головні рівні реалізації цих ідей – особистісний і предметний, а також простежує функціонування колекції як засобу досягнення символічного безсмертя.

Ключові слова: смерть, символічне безсмертя, теорія опанування страху, колекціонування, М. Грушевський, колекція.

**The ideas of death and immortality in the context of collecting of
M. Hrushevsky**

The article presents an attempt to analyze the relation between collecting and concepts of death and immortality in terms of M. Hrushevsky's collecting activity. The author distinguishes two main levels of realization of mentioned ideas: personality and object ones. The functioning of the collection phenomenon as the means of attaining symbolic immortality is also studied.

Keywords: death, symbolic immortality, terror management theory, collecting, M. Hrushevsky, collection.

Шукин Василий / Shchukin Vasilii

УДК 930.1 (477)

Город и поэтосфера природы

Автор статьи, обращаясь к целостному образу города в художественной литературе, предпринимает попытку классификации элементов поэтосферы – совокупности сложных реальных и смысловых комбинаций пространственно-поэтического характера, поднимающих жизненную прагматику до уровня мифологического сознания и эстетического переживания. Последовательно рассматриваются: вертикальный разрез города и его горизонтальная панорама, метасоциологическая (город как мужчина и женщина, город как предмет обладания, захвата или разрушения) и нравственная характеристика (город как парабола человеческих достоинств или пороков). Описываются основные случаи развернутой метафоризации города – город-мать, город-блудница, город-лабиринт, город-лес и, наконец, отождествление образа города с моделью всего мира.

Ключевые слова: город, художественное воображение, образность, ассоциативность, мифопоэтика, поэтосфера.

A City and poetosphere of nature

The author, referring to the integral image of the city in fiction, attempts to classify elements poetosphere – set of complex real and meaningful combinations of spatial and poetic character, raise the living pragmatics to the level of mythological consciousness and aesthetic experience. Consistently considered: a vertical section of the city and its horizontal panorama, metasociological (the city as a man and a woman, as the possession of the city, capture or destruction) and moral characteristics (the city as a parabola human virtues or vices). Describes the main events unfolded metaphor of the city – a city-mother, the harlot city, city-maze-city forest, and finally, the identification of the image of the city with the model of the world.

Keywords: city, artistic imagination, imagery, associative, mythopoetics, poetosphere.

Ясь Олексій / Yas' Oleksii

УДК 930.1 (477)

Якою має бути сучасна українська історіографія?

Рец. на: Колесник Ірина. *Українська історіографія: концептуальна історія / За ред. В. Смоля.* – К.: *Ін-т історії України НАН України*, 2013. – 566 с.

What should be the modern Ukrainian historiography?

Review: Колесник Ірина. *Українська історіографія: концептуальна історія / За ред. В. Смоля.* – К.: *Ін-т історії України НАН України*, 2013. – 566 с.

CONTENTS

The Preface.

«The new biographical history» as a method (*Kolesnyk Iryna*) 7

Strategy biographical study

Popova Tatiana (*Odesa*) Biographies of Scholars at the crossing of historiographical traditions: theory, methodology, practice 15

Kalakura Yaroslav (*Kyiv*) The image of the Ukrainian Soviet historian in the context of introspection 41

Onopryenko Valentyn (*Kyiv*) Aporia biographical writing and scientific biography. 55

Lubskiy Anatolii (*Rostov-on-Don*) Person in a supporting role: methodological issues of «the new biographism» («the glass bead game» or narrative strategy of historical and biographical research) 67

Andreev Vitalii (*Kherson*) The patography as a genre of the biographical research: «Klinicheskyy Arkhiv Genialnosti i Odarennosti (Evropatologii) [Clinical Archive of Genius and Talent (of Europathology)]» magazine (1925–1930) 85

Buryak Larysa (*Kyiv*) Psychologization as a strategy of biographical research in Ukrainian historiography of the first third of the XX century 95

Corporeity of space historiography

Vashchenko Volodymyr (*Dnipropetrovs'k*) «Fleashes of the Historian»: «Body Politic» in M. Hrushevs'ky texts 115

Masnenko Vitalii (*Cherkasy*) «Different faces» of a thinker: visualization of corporeity in Vyacheslav Lypynsky's self-presentation. 129

Kyrydon Alla (*Kyiv*) «Body» in the space of memory 155

Corporeity and culture

Vinogradov Gennadii (*Dnipropetrovs'k*) Paradoxes of Corporeality Phenomenon in the Medieval Christian Civilization intellectual Modeling Creativity. 167

Shchukin Vasili (*Cracow*) A City and poetosphere of nature. 177

Aksenov Vladislav (*Moscow*) Tragic narrative: to a question of features of suicides of pupils during World War I. 191

Sheludyakova Natalia (*Kyiv*) The ideas of death and immortality in the context of collecting of M. Hrushevsky. 205

Shandra Valentyna (*Kyiv*) Physical punishment of officials in the Russian Empire (according to laws of the late XVIII – early XX century) 215

Biographies and careers typologies

Kulchytskyi Stanislav (*Kyiv*) The comparative aspects of political biographical research 225

- Budzar Marina** (*Kyiv*) Problem of identity as a mechanism for constructing social practices of personality: the creation of intellectual biography Gregory Galagan 233
- Svitlenko Serhii** (*Dnipropetrovs'k*) Boris Hrinchenko: The framework of his intellectual biography 247
- Bogdashina Olena** (*Kharkov*) The role of family traditions in the life script of M. Kovalevsky 269
- Suzdal' Maryna** (*Kyiv*) The phenomenon of spiritual biography of M.Tsetreliiev. 279
- Panchenko Victoria** (*Zhytomyr*) Profession as another side of biography (on example of peace's judge of Zhitomir district A.Tokarzhevskiy-Karashevych). 289

Biographical study tools

- Savchuk Varfolomii, Chaplits Olga** (*Dnipropetrovs'k*) Interview method in historical and biographical study with narrowed source base 301
- Salnikova Alla** (*Kazan*) «Total recall», or the data of questionnaire surveys as a commemorative narrative. 313

Historiographical finding

- Barabash Natalia** (*Kryvyi Rih*) M.Markevych's «Autobiographical notes» – source about the family history 329

Review

- Vyrskiy Dmytro** (*Kyiv*) History – Today: the theoretical problems of knowledge about the past
Review: Historia – dziś. Teoretyczne problemy wiedzy o przeszłości / redakcja Ewa Domańska, Rafał Stobiecki, Tomasz Wiślicz. – Kraków: Universitas, 2014. – 413 s. 349
- Yas' Aleksii** (*Kyiv*) What should be the modern Ukrainian historiography?
Review: Колесник І. Українська історіографія: концептуальна історія / За ред. В. Смолія. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2013. – 566 с. 359
- Ostryanko Andrii** (*Chernihiv*) Positivism – a Methodology optimists
Review: Богдашина О.М. Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.): [монографія]. – 2-е вид.; доп. та переробл. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – 560 с. 367

- List of Contributors** 373
- Summaries** 375
- Contents.** 393

Наукове видання

Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки

Головний редактор *Валерій Смолій*

Відповідальний редактор *Ірина Колесник*

Тексти подаються в авторській редакції.

Оригінал-макет підготував *Дмитро Вирський*

Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. – Вип. 8. – К.: Інститут історії України НАН України, 2014. – 394 с.

8-й випуск Альманаху зосереджений на проблематиці біографічного дослідження. Представлені стратегії і типології творення історичних життєписів, тілесність у просторі історіографії, інструментарій біоісторіографа, місце біографії у культурі.

Для широкого кола читачів, зацікавлених сучасною гуманітаристикою, істориків, культурологів, психологів та антропологів.

Підписано до друку 10.06.2015 р. Формат 70x100/16
Ум. друк. арк. 32. Обл. вид. арк. 29
Наклад 300 прим. Зам.
Поліграф. д-ця Ін-ту історії України НАН України
Київ-1. вул. М.Грушевського, 4